

- 1) добавочное замечание к основной части: *Невозможно иметь всё сразу. Что-то одно. Ну, два... И это еще хорошо* («Птица счастья»);
- 2) перераспределение информации между частями конструкции во избежание перегруженности всей конструкции (из-за различия видо-временных форм глаголов, разного характера глаголов относящихся к разным словам): *Какой семейный статус, если муж гуляет. И не просто гуляет, а завел постоянку. И даже не скрывает. И даже нарывается* («Мужская верность»);
- 3) выделение качества, мысли, чувства, внешности героя с целью маркированности как значимого элемента для создания образа: *Страшненький, но милый. И не опасный* («Мужская верность»).

Итак, в ходе анализа фактического материала нами были рассмотрены функции парцеллированных и присоединительных конструкций в прозаических художественных текстах В. Токаревой. Данные конструкции могут быть описаны только при анализе самого текста. Рассмотренные функции – не единственно допустимые варианты, а часть тех неограниченных функциональных возможностей парцеллированных и присоединительных конструкций, которые могут быть проявлены в художественных текстах. Употребление конструкций является индивидуальной авторской чертой. Использование парцеллированных и присоединительных конструкций в художественной литературе является «особой синтаксической формой текстообразования, использование которой определяется психологическими, литературными и структурно-языковыми факторами» [3, с.10].

Список литературы:

1. Зелепукин Р.О. Парцелляция в художественной прозе В. Токаревой: структура, семантика, текстообразующие функции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2007. – С.10.
2. Пинегина Я.Н. Парцеллированные конструкции и их коммуникативно-прагматические функции в современных медиа-текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2005. – С.4.
3. Шубина Н.Л. Пунктуационная система русского языка. Лекции. СПб.,1993. С. – 48.

К.А. Зятькова
Россия, г. Барнаул, АлтГПУ
Научный руководитель д.филол.н., профессор О.В. Марьина

ОБРАЗ АВТОРА В ПЕРВИЧНОМ И ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА СКАЗКИ О. УАЙЛЬДА «СЧАСТЛИВЫЙ ПРИНЦ» И ЕГО ПЕРЕВОДАХ)

Начиная с XX века, в лингвистике возникают такие понятия, как «первичный» и «вторичный» текст. С этого момента ученые предлагают различные определения, классификации, разновидности вторичных текстов. Существующие текстовые классификации не привели до сих пор к созданию единого общепризнанного типологического основания, согласно которому текстовый экземпляр может занять раз и навсегда определённое ему место в общей системе вторичного текста. На современном этапе развития лингвистики один и тот же текст может быть отнесён к нескольким классификациям в зависимости от того, какие из признаков берутся за основу.

В нашей работе вслед за Л.М. Майдановой **называем вторичными текстами** тексты переводные, соответственно первичными они будут в оригинале [1, с. 82].

Перевод является одним из видов вторичной номинации. Это текст, который может быть объяснен с помощью другого текста.

Актуальным направлением в современной лингвистике является рассмотрение образа автора в первичном и вторичном текстах. Данное явление обусловлено тем, что мы имеем дело с тремя разными текстами, написанными разными авторами, соответственно, реализация центрального образа в данных текстах будет различной. Кроме того, рассматривая первичный и переводной тексты, мы сталкиваемся с тем, что между текстами просматриваются концептуальные различия. Это связано с культурным аспектом (переводчики используют культурные реалии своего круга, а автор текста-основы опирается на собственный культурный опыт), целевой направленностью на читателя (сказки О. Уайльда называют сказками для взрослых, К. Чуковский ориентируется на детскую аудиторию). Во вторичном тексте «отражается» личность самого переводчика, его взгляды на творчество, мировоззрение.

Работа состоит из введения, двух глав, заканчивающихся выводами, заключения и списка литературы, состоящего из 57 источников.

Анализ фактического материала позволяет судить о том, что образ автора в первичном и вторичных текстах оценивается по-разному.

На лексическом уровне выявлены следующие различия в реализации образа автора.

Главным героем сказки является Счастливый Принц, который пожертвовал своим золотом, драгоценными камнями ради спасения бедных и нуждающихся. О. Уайльд представляет статую Счастливого Принца символом надежды, веры, помощи, самопожертвования, он ставит ее в центр повествования, в тексте-оригинале автор-повествователь конкретно, четко сообщает о том, где находится Принц, что о нем говорят окружающие, используя нейтральную лексику. Во вторичных текстах выявлены дополнительные, эмоциональные оттенки в оценке главного героя, функция которых передать отношение к Принцу.

В разных речевых ситуациях идет переключка первичного текста со вторичными текстами.

Так, в переводе П. Сергеев и Г. Нуждин используют дополнительные характеристики для выражения более эмоциональной оценки главного героя («*Ну и шут с ним*», «*родственников пруд пруди*»). Данные фразеологические и разговорные выражения отсутствуют в первичном тексте вообще. Кроме этого, авторы употребляют значение категоричности, двойного отрицания для большего заострения внимания на той или иной характеристике Счастливого Принца («*не могу не плакать*»).

П. Сергеев и Г. Нуждин в переводе используют слова с несколько иным значением, по сравнению с текстом первичным (переводчики употребляют название «*Дворец Утех*», вместо «*Дворца Беззаботности*» – когда речь идет об истории прошлого Счастливого Принца и его место жительства).

Авторы «определяют» в помощники к главному герою Скворца, а не Ласточку, как в тексте-первоисточнике и переводе К. Чуковского, который помогает Счастливому Принцу делать добрые дела.

Обращения Принца к Скворцу в тексте П. Сергеева и Г. Нуждина более разнообразны по сравнению с первичным текстом и вторичным К. Чуковского: авторы используют уменьшительно-ласкательные формы, разнообразные эпитеты, («*маленький, маленький Скворчонок*», «*добрый*», «*дорогой*», «*милый мой Скворец*»), что подчеркивает уважительное отношение к Скворцу главного героя.

Вторичный текст К. Чуковского преимущественно совпадает с первичным текстом О. Уайльда, но есть и некоторые расхождения. У переводчика появляются совершенно новые характеристики героев, ситуаций. Они не перекликаются ни с одним из текстов («*Нет чуда чудеснее нужды*» вместо «*страдания*»; «*не капризничает*» вместо «*не плачет*»). Автор использует слова из разговорного стиля, тем самым показывая, что Принц уже не такой величественный, как раньше, он выглядит так же, как и его народ («*Какой стал оборвыш этот Счастливый Принц*»).

Выявлены ситуации, отличающие вторичные тексты от первичного. Так, в двух вторичных текстах снижено величие Принца, в отличие от текста первичного. У О. Уайльда: «*High above the city, on a tall column*» («*высоко над городом, на высокой колонне*»). В тексте П. Сергеева и Г. Нуждина «*Счастливый Принц стоял на стройной колонне, возвышаясь над черепичными крышами и острыми шпилями*». В переводе К. Чуковского «*На высокой колонне, над городом*», в этом случае величие принца снижается до конкретного местоположения – «*высокая колонна*».

Существуют ситуации, когда значение слова в первичном тексте за счет вариативности перевода уже включает в себя значения слов двух вторичных текстов (у О. Уайльда «*where sorrow is not allowed to enter*» – («*где печали нет входа*»), «*sorrow*» – «*печаль, горе, скорбь*») [URL]. В тексте П. Сергеева и Г. Нуждина читаем: «*куда запрещен вход печали*», у К. Чуковского «*куда скорби вход воспрещен*».

На морфологическом уровне анализа текста выявлены следующие особенности. О. Уайльда интересует целостная характеристика героев, он более конкретен в способах создания героев. Авторы вторичных текстов стремятся к обобщениям, они акцентируют внимание на отдельных сторонах характеристики. Это проявляется в использовании местоимений, вместо имен, называющих предмет, в использовании просторечных слов и развернутых определений-характеристик, функция которых проявляется в том, чтобы передать отношение авторов к героям, которых они создают (В тексте О. Уайльда видим: *«muttered a disappointed man as he gazed at the wonderful statue»* – «пробормотал разочарованный человек», у К. Чуковского находим: *«бормотал гонимый судьбой горемыка»*, в тексте П. Сергеева и Г. Нуждина: *«грустно промолвил кто-то в сером плаще»*, «кто-то» в данном примере неопределенно-личное местоимение).

На синтаксическом уровне перевод П. Сергеева и Г. Нуждина «приближен» к тексту-оригиналу. Авторы используют такие же, как в исходном тексте, синтаксические конструкции. Перевод К. Чуковского отличается от двух вышеупомянутых текстов: преобладает простой синтаксис, наличествуют восклицательные предложения. К. Чуковский пишет: *«У меня золотая спальня! – разнежено сказала она, озираясь»*. Автор использует глагол, не предполагающий восклицательной интонации. «Сказать» значит «произнести что-либо вслух», семантика глагола не содержит восклицания, к тому же она сказала «разнежено» [URL].

У О. Уайльда находим: *«I have a golden bedroom», he said softly to himself»*. У П. Сергеева и Г. Нуждина данная конструкция представлена следующим образом: *«Сегодня у меня золотая спальня», – самодовольно оглядываясь, сказал он»*.

В первичном тексте широко используются вопросительные предложения, что позволяет читателю размышлять вместе с автором, делать выводы вслед за ним (*«Почему ты не можешь быть похожим на Счастливого Принца?»*). Во вторичных текстах часто вопросительные предложения заменены на восклицательные, что говорит о том, что в них представлены уже данные авторами формулы, в которых прослеживается некая назидательность (*«Вот с кого надо брать пример!»*, *«Постарайся быть похожим на Счастливого Принца!»*).

Мы видим, что образ автора – это центр, который вокруг себя организует всю структуру произведения, в первую очередь, от этой центростремительной силы зависит композиция текста в целом. Чтобы наиболее полно составить картину различий в данных текстах, необходимо было проанализировать несколько языковых уровней (лексический – на уровне семантики слов и сочетаний слов, морфологический – на уровне частеречной принадлежности единиц, синтаксический – на уровне построения предложения).

Таким образом, рассмотрев все уровни текста (композиционный, языковой), нами были классифицированы различия, трансформации, отличающие

первичный текст от вторичных и представлены причины, в связи с которыми данные различия происходят.

Список литературы:

1. Майданова, Л.М. Речевая интенция и типология вторичных текстов / Л.М. Майданова // Человек – Текст – Культура. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1994. – С. 81-104.
2. Малый академический словарь (МАС) [Электронный ресурс]. URL:<http://mas-dict.narod.ru/>. Заглавие с экрана.
3. Мюллер, В.К. Англо-русский словарь [Электронный ресурс] / В.К. Мюллер. – URL:http://www.slovarus.info/eng_m.php?id=O. Заглавие с экрана.

М.Ю. Красношапка
Россия, Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель к.ф.н., доцент В.Ю. Краева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Лексикография занимает особое место в жизни носителей языка. Трудно представить жизнь человека без словарей. Интерес к словарям и любовь к слову необходимо формировать с раннего возраста. Поэтому в школьный период обучения такая работа является необходимой и эффективной. При всем многообразии учебных пособий без словаря не обойтись. Обращаясь к словарям, ученики приобретают навыки и умения самостоятельного нахождения нужного материала и запоминают прочитанную информацию качественно и надолго.

На наш взгляд, в настоящее время в школьном курсе уделяется недостаточное внимание включению фразеологических словарей в практическую деятельность. Тогда как использование словарей необходимо. В лингвистике фразеология занимает существенное место, но на уроках русского языка, по нашему мнению, ей отводится недостаточное количество часов. Поэтому мы считаем необходимым, разработать систему упражнений по разделу «Фразеология» с использованием фразеологических словарей на уроках и факультативных курсах русского языка.

Особое место в многообразии словарей занимают *фразеологические словари*. Некоторые из них ориентированы специально на учащихся. К этому типу можно отнести «*Школьный фразеологический словарь русского языка*» В.В. Жукова и А.В. Жукова; «*Учебный фразеологический словарь*» Е. А. Быстровой; «*Опыт этимологического словаря русской фразеологии*» Н.М. Шанского; «*Учебный фразеологический словарь*» А.Н. Тихонова и Н.А.